

что наше Сибирское землячество при университете устраивает большую вечеринку, чуть-ли не целый бал. Мне было 23 года. Хоть я и был «толстовец», но товарищеские связи еще не потеряли для меня своей силы. К тому же, в делах землячества я принимал до сих пор ближайшее участие. Мне захотелось воспользоваться случаем и съездить на денек-другой в Москву, чтобы повидать зараз всю среду студентов-земляков, тем более, что после близкого знакомства со Львом Николаевичем, я должен был показаться среди них впервые. Это был легкомысленный довод в пользу моей поездки.

Но был и довод серьезный. Пришел срок взноса платы за право учения в университете. Невнесение платы грозило мне исключением, а исключение связано было с немедленным ^{*}призывом на военную службу (для меня — с отказом от нее и тюрьмой), а, следовательно, и с необходимостью покинуть Ясную Поляну.

Я поделился своими соображениями с гостившим в Ясной Поляне Мих. Серг. Сухотиным (мужем Татьяны Львовны), и он одобрил мои планы.

Льву Николаевичу я еще ничего не говорил.

Вечером, когда все сидели за чайным столом, вдруг приносят телеграмму на имя Льва Николаевича. Он распечатывает и читает. Оказывается, Чертков телеграфирует из Крекшина (под Москвой), чтобы Лев Николаевич настоял на моей немедленной поездке в Москву, для улажения дел с университетом.

Как раз Чертков, по рекомендации и по инициативе которого я занимал свое место около Льва Николаевича, особенно беспокоился за мою участь, в случае какой-нибудь неаккуратности в улажении